

ПОСЛЕДНИЙ РИТУАЛ

МАРИНА СЕВЕР

Марина Север
Последний ритуал

«Автор»

2026

Север М.

Последний ритуал / М. Север — «Автор», 2026

Марине снится страшный сон: она видит себя на таинственной поляне в лесу, где ее готовят к жертвоприношению. Она еще не знает, что этот сон окажется вещим. Пытаясь защитить жену от нападений существ из другого мира, муж Марины Максим начинает расследование собственного прошлого. Его сестра Галина пропала, когда ему было десять лет, и Максиму кажется, что она причастна к происходящему. Он наводит справки и узнает шокирующую правду: их семья хранит страшную тайну, связанную с женщиной из роддома, с детьми, которых она бросила, и с темными силами, которым она служит. В праздник Ивана Купалы, когда грань между Навью и Явью почти стирается, на поляне собираются служители тьмы. Они готовят ритуал, чтобы завладеть древними серьгами — артефактом, в котором заключены семь даров семи ведьм. Тот, кто получит их, получит власть над миром. Марине в этом ритуале предназначена роль жертвы. Удастся ли Девушке спастись и помочь друзьям? Ведь она отказалась от своей силы, чтобы не служить тьме.

© Север М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Север

Последний ритуал

Пролог

Голова жутко болела, тело было тяжелым и не слушалось. Интересно, когда Марина успела так напиться? Свадьбы друзей вроде еще не было, да и в принципе девушка не пьет. Но вот состояние — как после большого похмелья. Сейчас бы холодной воды, а то язык прилип к горлу и губы не шевелятся... О том, чтобы открыть глаза, и речи быть не может. В голове стучали маленькие молоточки. Девушка чувствовала легкое головокружение. А может, это просто очередной дурной сон? Было бы хорошо, а то какое-то мерзкое состояние.

Спина задеревенела от холода. Марина лежала на чем-то прохладном и жестком. Неужели она не на кровати, а на полу? Может, упала? Но почему так сильно хочется пить и болит голова? Значит, все же не сон...

Марина попробовала открыть глаза. Медленно, чтобы свет ее не ослепил. Но вокруг было темно. Странно. Неужели еще ночь? Осмотревшись, она увидела темное небо с рассыпанными по нему миллионами ярких звезд, окружающих огромную круглую луну. Неужели она на улице? Но что это за странное место?

Марина повернула голову, но маленькие молоточки быстро застучали с новой силой. Девушка поморщилась. Присмотревшись, она разглядела в темноте неподалеку большие деревья, а вокруг нее — высокие камни, возле которых что-то стояло. Из-за темноты и плохого самочувствия Марина не смогла разглядеть, что именно ее окружает. Но то, что она не дома, это факт. Чем же еще объяснить лес, камни и холодную поверхность, на которой девушка лежит?

Марина попробовала поднять руку, но это ей не удалось. Кисть как будто что-то держало. Девушка подергала рукой, но ничего не изменилось. Что-то звякнуло. Слегка приподняв голову, Марина увидела на запястьях железные оковы. Ее что, заковали в цепи? Не может быть. Это какой-то розыгрыш.

Было прохладно, хотя девушка точно знала, что на улице июль. Больше всего мерзла спина. Она попробовала повернуться, но ничего не получилось. Спина онемела от холода.

Марина не сразу поняла, во что одета. Она помнила, что была в шортах и майке — в такую-то жару. Но сейчас на ней было подобие платья с вырезом, длиной до щиколоток. Тонкий полупрозрачный шелк нежно прилегал к телу. Где-то она его уже видела.

Девушка слегка приподняла голову, и ей удалось рассмотреть, что ее лодыжки тоже скованы железными кольцами. Зрение никак не хотело полностью сконцентрироваться на предметах, окружавших Марину. В глазах все расплывалось и двоилось. Приходилось несколько раз зажмуриваться, а потом снова рассматривать себя и то, что рядом. Очень хотелось пить. Начало подташнивать. Что происходит? Где она? Неужели это очередной плохой сон? Она помнит, что все собирались на праздник Ивана Купалы, и она должна быть жертвой. Неужели он уже начался? Но тогда она бы это помнила.

Совсем рядом Марина услышала тихий стон. Девушка медленно повернула голову на звук. Но в темноте было не разобрать, действительно ли возле большого камня кто-то стоит, или ей это кажется. Девушка снова подергала руками, чувствуя, как железные оковы больно впиваются в кожу. Нет, это не сон, раз она чувствует боль. Все происходит наяву. Только вот где она и как сюда попала, остается вопросом.

— Эй! — попыталась крикнуть Марина, но из горла вырвался только хрип.

Прошло секунд десять, и девушка повторила попытку закричать.

— Очухалась?

Голос послышался совсем рядом. Марина приподняла разрывавшуюся от боли голову, всматриваясь в темноту. Оттуда вышел человек в черном балахоне с капюшоном, скрывающим лицо. Непонятно было, мужчина это или женщина. Человек вытянул вперед руку, и девушка снова почувствовала головокружение, погружаясь в беспамятство.

Глава 1

Январь. Двадцать семь лет назад
— Девушка, милая, зайдите в палату.

В коридоре творилось что-то непонятное. Рожениц везли, казалось, со всей области. Мест в палате практически не было. Раскладушки ставили в коридоре, хотя это противоречило правилам больницы.

Одна из рожениц была уже в возрасте. Медсестра бегала вокруг нее, не зная, куда ее поместить. Женщина кричала и материла весь персонал на чем свет стоит. Вышел врач и, быстро оценив ситуацию, сказал:

— В пятый родильный зал. Срочно.

Медсестра, указав медбрату в сторону коридора, скомандовала:

— Быстро, в лифт и на третий этаж!

Парень лет двадцати пяти повернул каталку с женщиной и покатил ее в ту сторону, куда указала медсестра.

Привезли еще одну девушку. Она была очень спокойной, что удивило видавшего виды дежурного врача. На вид ей было лет девятнадцать. Огромный живот, на котором не сходилось старое зимнее пальто, худенькое тело, затравленный взгляд. Девушка не кричала, не кляла всех врачей на чем свет стоит. Она глубоко дышала, придерживая пальто руками. На голове был пуховый платок.

Врач быстро спросил данные девушки, записал адрес прописки и фактическое место проживания, а также поинтересовался отцом ребенка.

— Нет отца. Сбежал.

Врач осуждающе посмотрел на девушку, но ничего не сказал. Повернувшись к медсестре, проговорил:

— В палату тринадцать. Вещи в гардероб.

Потом врач-гинеколог повернулся к девушке и сказал:

— Пройдемте на осмотр.

Девушка сняла пальто и обувь и прошла в смотровую комнату.

Врач, принимавший пациентку, обратил внимание, что потуги уже начались, воды отошли, но почему-то эта молодая девушка молча переносит боль.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Да. А что? — испуганно спросила роженица.

— Да нет, ничего. Вы так спокойно справляетесь со схватками, что любая может позавидовать.

Закончив осмотр, врач вымыл руки и сел за стол.

— У вас отошли воды, а это значит, что сейчас поедем в родильный зал. Оставьте вещи в палате, переоденьтесь, и вас проводит медсестра. Судя по животу и биению сердца, у вас двойня.

Девушка округлила глаза и побелела.

— Как двойня? Почему? Этого не может быть.

Врач удивленно посмотрел на роженицу.

— С чего вы так решили? И не такое бывает. У нас и пятеро детишек разом появлялись на свет. Так что не беспокойтесь, это нормально. Вы молодая, справитесь. Родственники помогут.

Девушка, сидевшая с испуганным видом, вдруг отвела глаза в сторону.

— Или вы совсем одна?

— Нет.

— Ну, вот и хорошо.

Врач позвал медсестру, которая взяла вещи девушки и проводила в палату с четырьмя кроватями, умывальником и пеленальным столиком. Три кровати были застелены, на них лежали чьи-то вещи, но самих рожениц в палате не было. Девушка положила сумку и пакет на тумбочку и переделась в ночнушку. Медсестра привезла каталку, помогла девушке на нее лечь и куда-то покатила.

Девушка никак не могла прийти в себя. Ей сказали, что будет двойня. Но такого не могло быть. Она знала, она была уверена, что у нее будет один ребенок. Дочь. Почему? Потому что она все сделала для этого. Никого, кроме дочки. Она даст ей все, что должна, все, чего сама не получила. И она знает, по чьей вине.

Девушка чувствовала, как тянет живот. Но он не болит, она не кричит, как эти сумасшедшие в родильном зале. Она знает, что делать, чтобы не было больно.

В родовом зале, куда привезли девушку, уже были акушер, медсестра и очередная роженица. Крики были слышны еще в коридоре. Девушку быстро подготовили, а дальше начались роды. Они продлились недолго, как она и предполагала. Главное — все правильно сделать. Дальше будет самый ответственный момент, нельзя его упустить.

— Поздравляю! У вас мальчик, — послышался голос врача.

Девушка напряглась. Только не это, только не мальчик! Этого не должно было случиться!

— А вот и второй ребенок... Ой, какая красавица! У вас девочка. Двойняшки.

После этих слов девушка расслабилась. Дальше все будет хорошо. Она этого хотела, она этого ждала. И пусть мать думает, что она недостойная, но она сделает так, как считает нужным.

Детей забрали и увезли в бокс. Девушку продержали в родильном зале еще около часа, а потом отвезли в палату. Ей здесь находиться три дня, а потом она уедет домой, к семье. Нужно быть всегда на виду, наблюдать, и главное — ждать. Самое главное — это время.

Девушка слезла с каталки, на которой ее привезли, и медленно вошла в палату, где уже были остальные роженицы. Она легла на кровать и отвернулась к стенке, разговаривать ни с кем не хотелось.

Кто-то смотрел в окно, кто-то читал книгу, а одна стояла возле умывальника.

— Надя, тебе, когда твою девчущку привезут?

— Сказали, что в обед.

— Ох, ты хоть успела после родов отлежаться, а мне сразу принесли ребенка. Он, говорят, кричал, есть хотел. Сама видела, богатырь родился. Почти пять килограмм.

— А это новенькая, — зашептала еще одна, повернувшись спиной к окну.

— Девушка, — крикнула Надя, — вас как зовут?

Но ей никто не ответил.

— Меня — Светлана.

— А меня — Катя.

— А я Надей буду, а ты?

Девушка, лежащая лицом к стене, медленно повернулась к ним.

— Нина, — соврала она.

Девушке было все равно. Через три дня она уйдет и забудет всех, кто был в этой палате. Она не стала запоминать их имена, не хотела знать, кто есть кто.

— А у тебя девочка или мальчик?

— У меня двойняшки, разного пола.

— А ты придумала уже имена? У меня вот Добрыня родился. Богатырь, почти пять килограмм весит, — сказала Светлана. — Надя назвала дочку Мариной, а у Кати сын Никита.

— Я еще не придумала, — тихо ответила девушка, — я только родила.

— Ой, мы тоже сегодня родили, только ночью. А ты ближе к обеду. Скоро нам детей принесут на кормление.

Девушка после этих слов занервничала. Она приподнялась, села и принялась что-то искать в своем пакете. Достав оттуда маленький пузырек, зажала его в руке.

— Пойду в туалет выйду, — сказала она девушкам.

Двигаться после родов было тяжело. Медленно передвигая ноги, чувствуя слабость во всем теле, девушка вышла в коридор. Спросив у дежурной медсестры, где туалет, пошла в указанную сторону.

Закрывшись в уборной, она разжала кулак и посмотрела на пузырек с черной тягучей жидкостью. Она должна это выпить. Ей так сказали. Так будет правильно.

Она открыла пробку и залпом опрокинула в себя содержимое, оставив немного на самом дне. Жидкость резко пахла, вкус был странный, слегка сладковатый, напоминающий и кровь, и лекарственные травы.

Примерно через полминуты резкая боль пронзила живот. Это длилось несколько секунд, потом все прошло. Девушка хотела выйти, но все тело начало трясти. Вены вздулись и стали черными. Мгновение она испытывала сильную боль, как будто изнутри жгло огнем.

Кричать нельзя: прибегут медсестры, поднимется шум, и ее отправят подальше от детей. Этого она не могла допустить. Еще не все закончилось.

Минут через пять тело приняло то, что она выпила. Значит, все будет хорошо. Умывшись, девушка посмотрела на себя в зеркало. Измученное лицо, синяки под глазами, обвисший живот после родов. Разве она этого хотела? Нет. Но ей пришлось все это испытать, чтобы в дальнейшем получить то, что принадлежит ей и никому другому.

Девушка мельком взглянула в зеркало и на мгновение увидела вместо своего лица черный череп с провалами глазниц. Он исчез так же быстро, как появился, и в зеркале осталось только ее собственное отражение.

Выйдя из туалета, она вернулась в палату. Там никого не было. Наверное, ее соседки пошли на обед. Есть она не хотела.

Девушка села на свою кровать и посмотрела в окно. На улице начиналась метель. Снег сыпал и сыпал, кружась в танце, сплетаясь между собой. Это самое лучшее время года, когда можно сидеть дома за чашкой чая с теплой булочкой.

Дом. Она шесть месяцев там не была. А у нее ведь мать, отчим и маленький братик.

Открылась дверь, и в палату вошли двое: медсестра и нянечка, везя за собой небольшую каталку с новорожденными. Младенцев было пятеро — все с бирками на ручках, завернутые в одинаковые пеленки. Медсестра с нянечкой о чем-то оживленно беседовали. Увидев, что в палате только одна роженица, медсестра недовольно спросила:

— А где остальные? Кто детей кормить будет?

Девушка пожала плечами.

— Наверное, на обед ушли.

Медсестра подала ей младенца, даже не взглянув на бирку.

— Ваш, мамочка? Берите и кормите.

Девушка взяла ребенка, посмотрела на него пристально и отвернулась к стене. Девочка открывала и закрывала ротик и забавно улыбалась. Девушка на секунду замешкалась, а потом приложила ребенка к груди. Младенец тут же вцепился в нее и начал тихонько посасывать. Через пару минут вошли девушки. Медсестра и нянечка, все так же увлеченные беседой друг с другом, раздали им детей. Вдруг одна из рожениц, Надя, удивленно воскликнула:

— Это не мой ребенок!

Медсестра изменилась в лице и посмотрела на бирку.

— Ой, правда. Извините.

Она взяла младенца у Нади и отдала его Нине.

— Вот ваша девочка, а эту отдадим мамочке.

Оторвав недовольного ребенка от груди Нины, она передала его настоящей матери.

— Извините меня, пожалуйста. Они все на одно лицо.

— Ничего страшного, — недовольно ответила Надя, — моя Мариночка еще не успела толком поесть. А вообще, прежде чем отдавать детей, надо смотреть надо на бирку, а не на лицо.

Она приложила девочку к груди и недовольно отвернулась.

Нина вытаращила глаза, ее руки затряслись, лицо побледнело. Как так? Почему? Что теперь делать?

— Что с тобой? — спросила ее Света, держа ребенка на руках. — Тебе плохо?

Девушка помолчала несколько секунд, а потом ответила:

— Нет. Все нормально. Это, наверное, после родов. Слабость еще не прошла.

Она приложила девочку к груди, пока второй малыш лежал в мини-кроватке. Он не плакал, просто открывал рот.

— Ой, твой мальчик тоже есть хочет!

Девушка недовольно посмотрела на ребенка, но промолчала. Ей хотелось держать в руках только девочку. Она — ее будущее, а он... что будет с ним, девушку мало волновало.

Прошло три дня. Детей приносили, чтобы молодые мамочки их покормили, уносили, чтобы девушки могли отдохнуть перед новой жизнью. Ведь ребенок — это большая ответственность. А первые месяцы жизни пройдут в бессонных ночах, бесконечных пеленках, постоянном внимании и многом другом, что требуется малышу.

Соседки по палате и медсестры замечали, что Нина всегда сначала кормит дочку, а потом сына, но не придавали этому значения. Пусть молодая мамаша сама разбирается.

Наступил день выписки. В холле собралось много народу — мужчины с цветами, родственники, все встречали мамочек с детьми. Нину никто не встречал. Она сидела у врача, опустив глаза, и понимала, что выходить ей не к кому.

— Что же вы, голубушка? Разве так можно? Вы носили этих детей девять месяцев под сердцем. Три дня кормили их грудью — и вот сейчас приходите ко мне и говорите, что отказываетесь от малышек?

Девушка молчала. Ей нечего было сказать.

— Может, еще раз подумаете? У вас двойняшки, мальчик и девочка. О таком можно только мечтать. Не хотите еще раз взглянуть на них? Возможно, материнское сердечко дрогнет, и вы все же заберете своих младенцев?

— Нет, — тихо сказала девушка, — они мне не нужны.

— Ну почему? Почему вы сразу не сделали аборт? Вы же носили их девять месяцев, а сейчас вдруг решили, что они вам не нужны? Вы понимаете, какое будущее их ждет? Малышек отдадут в детский дом. И если их никто не заберет, то они всю жизнь проведут без семьи, никогда не познают любовь родителей, домашнее тепло. Вы понимаете, на что их обрекаете? Эти крохи ни в чем ни виноваты. Раньше надо было думать. К материнству готовятся, планируют будущее...

Девушка подняла глаза и посмотрела на врача. В ее глазах не было ни боли, ни сострадания, ни угрызений совести. Только злость и обида. Доктору на мгновение показалось, что глаза девушки потемнели. Такого злобного взгляда он еще не видел.

— Доктор, давайте закончим этот бессмысленный разговор. Я отказываюсь от детей. Скажите, что нужно в таком случае написать, и я это сделаю. Отдайте мои вещи и документы. Мне некогда с вами здесь рассиживать.

Врач был шокирован этим наглым заявлением. Он дал девушке лист бумаги, образец отказной и, подождав, когда та все напишет, крикнул медсестре:

— Сонечка, проводи девушку в гардеробную, чтобы она забрала вещи. И отдайте ей документы!

Медсестра открыла было рот, но доктор ее остановил.

— Никаких вопросов. Сделайте, как я вам сказал.

Медсестра кивнула и сказала девушке: «Пойдемте». Не попрощавшись с врачом, Нина вышла из кабинета и последовала за женщиной. Спустившись в гардеробную, она забрала вещи и документы и вышла в холл. В этот самый момент из-за двери появилась Надя с младенцем на руках. Она была такой счастливой! Ее встречали муж с цветами и еще какая-то молодежь. Все кричали и поздравляли мамочку.

На мгновение Надя встретила глазами с Ниной и нахмурилась. Девушка быстро застегнула зимнее пальто и вышла на улицу.

Морозный воздух моментально пробрался в легкие. Девушка посмотрела еще раз на роддом и быстрым шагом побежала в сторону остановки. Через несколько дней ей нужно вернуться домой. Она и так там долго не была. Мать, наверное, волнуется. Хотя какая разница? Она, наверно, так увлечена своим сыном, что уже давно забыла о ее существовании.

Сев в автобус, она доехала до общежития, где снимала комнату. Внизу ее встретила консьержка.

— А где дитя? Неужто...

Женщина прижала ладонь ко рту. Девушка пробежала мимо нее, не отвечая и не разговаривая с консьержкой. Да и не о чем было. Она перед ними мелькала с животом шесть месяцев, как узнала, что у нее все получилось. Отвечать и рассказывать, что произошло, не было никакого желания. Да и не их это дело. Сейчас важно поговорить с тем, кто ей помог.

— Бедная, бедная, — услышала девушка вслед. Но ей было все равно.

В комнате стояли старый потертый диван, стол с одним стулом и шифоньер. Сняв пальто и вынув из тумбочки алюминиевую кружку, девушка поставила ее на стол. Взяв ножик, она сделала глубокий разрез на ладони, сморщившись от боли. Тонкая струйка крови потекла в посудину. Набрал нужное количество, девушка быстро замотала ладонь какой-то тряпкой и нагнулась над кружкой. Прошептав необходимые слова, она закрыла глаза и стала ждать.

Прошло несколько секунд. Кровь в посудине забулькала, закрутилась воронкой и остановилась. Девушка вглядывалась в чашку. Поверх крови проступили буквы, складываясь в вопрос.

— Да, — ответила девушка, — это я вас вызывала.

Открыв глаза, она посмотрела в кружку.

— Вы сказали, что у меня будет один младенец, девочка. Но у меня их два. Еще и мальчик. Что мне с ним делать?

Наступило молчание.

— Хорошо. Я вас поняла. Но у меня случился казус. Когда я выпила то, что вы мне дали, первым к груди прильнул чужой ребенок. Это длилось буквально с несколько минут. Потом девочку забрали. Что мне делать? Что с ней будет?

Подождав еще немного, девушка ответила.

— Поняла. Буду наблюдать. Своих детей я оставила, как вы и сказали. Завтра возвращаюсь к себе. Спасибо вам. О своем долге я помню. Все будет сделано.

Девушка поднялась, насыпала в кровь соль и вылила содержимое в унитаз. Помыв кружку, она вернулась обратно.

Собрав свои немногочисленные вещи, девушка спустилась вниз и отдала консьержке ключи.

— Я съезжаю.

Она развернулась и вышла из общежития. Консьержка что-то кричала ей вслед, но та ее уже не слышала.

Глава 2

Наши дни

Прошло две недели с тех пор, как в деревне появились допдельгангеры — жуткие двойники умерших, приходившие к живым с цветами, которые убивали. Участковый Сергей попытался успокоить людей, на общем собрании жителей списав все на болотные газы, которые вызывают галлюцинации. Кроме того, он провел подомовой обход, успокаивая людей. Волнения как будто улеглись, но смертность в поселке не снижалась: старики и молодые умирали от инфарктов. Никакого криминала, обычная естественная смерть.

Через несколько дней к Марине в кабинет зашла Лидочка и присела на стул.

— Добрый день, Марина Константиновна. Вот, зашла к вам поговорить. Оказывается, все, что я вам тогда рассказывала о Петре Рябушкине, был просто дурной сон или, как сказал участковый, какие-то болотные газы, от которых нам все и казалось. Ужас какой-то! В каком месте мы проживаем? И зачем я уехала из города? Там хоть спокойнее было.

Девушка остановилась на секунду, чтобы перевести дух, и продолжила.

— Хотя нет, я знаю, почему уехала. Даже вспоминать не хочу. Сейчас у меня новые отношения, в которых меня все устраивает.

Потом она вопросительно посмотрела на Марину и спросила:

— А вы как? Вас тоже коснулись эти непонятные газы? Вы тоже кого-то видели из умерших родственников или, слава богу, вас это обошло стороной?

Марина не успела открыть рот, как секретарша ответила за нее.

— Хотя да. У вас же родственники в городе живут. Вряд ли к вам кто-то приходил. А я вот из-за этой истории никак не могу прийти в себя. Все, кажется, что снова появится Петр и постучит в окно. Может, мне сходить к Наталье Ивановне, попросить, чтобы успокоительное выписала? Или лучше снотворное? Вы как думаете? Хотя лучше и то и другое. Ну, все, мне пора. Спасибо, что выслушали. Ирина Григорьевна меня так сильно работой загрузила, что прямо некогда.

Девушка соскочила со стула и, сказав: «Увидимся в столовой», выбежала за дверь, оставив Марину сидеть с полуоткрытым ртом в удивлении.

Вот как эта девушка может столько говорить? Она не дала ей даже рта открыть и ответить хотя бы на один ее вопрос. Марина прыснула от смеха и повернулась к монитору. У нее тоже было много работы. Скоро отпуск. Необходимо все доделать и сдать вовремя. Как бы не пришлось задерживаться на работе.

Наступил обеденный перерыв, и Марина спустилась вниз. Столы уже были накрыты, многие учителя сидели на своих местах, стуча ложками по тарелкам.

За ее столом сидели две молодые учительницы начальных классов, Глеб Антонович и Катерина, учительница английского. Странно, что не пришли Мария Степановна и Иосиф Кондратьевич. Историк никогда не пропускает обед.

— Их сегодня нет. Они в город уехали. У библиотекаря новое поступление на учебники. Вот она и взяла с собой Осю.

На последних словах Катерина усмехнулась, а молодые учительницы захихикали.

— Какое прикольное имя — Ося, — сказал физрук. — Мы-то привыкли называть его Иосифом — и вдруг Ося какой-то. Может, и себе что-нибудь этакое придумать? Например, Гиря.

Тут уже Марина начала улыбаться, когда с соседнего стола послышался голос Лидочки.

— Между прочим, ничего смешного. Ося — обычное уменьшительное имя от Иосиф. Что в нем странного?

Лидочка возмущенно подняла кружку с компотом.

— Ой, — вмешалась в разговор учитель музыки Антонина Мироновна, — вы слышали, что о нашем поваре говорят?

— Нет, — загалдели за их столом.

— Как это что? — ответила Лидочка. — Потеряла сознание и захлебнулась в раковине. Это всем известно.

— А вот и нет, — отрицательно покачала головой Антонина Мироновна.

Наступила тишина, даже Лидочка перестала пить компот и отставила кружку.

— У меня в морге подруга работает. Так вот: она говорит, что смерть у нее странная. Никакого сознания она не теряла. Вроде как сама опустила голову в раковину и захлебнулась, или кто помог. Но насильственных следов на теле нет.

— Ну, я и говорю, что сама.

— Лидочка, — возмущенно ответила Антонина Мироновна, — ну вот вы сами голову в воду засунули бы, чтоб захлебнуться?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Ну вот и я говорю: помог кто-то. Нам же тогда казалось, что родственников видим мертвых. К некоторым они приходили. Может, и к повару нашему приходил кто.

— Антонина Мироновна, — протянула недовольно Лидия, — этот вопрос уже решен. Участковый же сказал: какие-то газы с болота. Ну не могут родственники сразу ко всей деревне придти. Тем более к нам они ночью заходили, а повар захлебнулся днем.

Лидочка повернулась к соседнему столу.

— Марина Константиновна, вы тогда последняя обедали. Вы кого-нибудь видели в столовой еще?

Марина от неожиданности чуть не подавилась супом. Вот и до нее добрались. Замечательно. Только этого еще не хватало.

— Нет. Мне кажется, повар одна была. Когда я пришла, то ее не видела, слышала только, как вода лилась.

Хотя девушка помнила, что в тот день ей показалось, что какая-то тень мелькнула в проходе. Но она подумала, что ей просто привиделось.

— Вот, пожалуйста. Даже Марина Константиновна говорит, что не было никого. И вообще, Антонина Мироновна, прекратите наводить смуту.

За столом начался галдеж, пока директор школы не прикрикнула на присутствующих.

Марина быстро доела и поднялась к себе. Нужно работать.

Максим и Сергей были на больничном. Вика ходила на перевязки к фельдшеру. И во всем этом была виновата она.

Супруг находился в деревне. Он получил сильный ожог, поэтому его отправили лечиться. Максиму пришлось долго отчитываться начальству, объясняя, что с ним произошло. Но они с Филипповым придумали историю, в которую все поверили, потому что тот тоже выглядел так, как будто вылез из ада. Максима отвезли в больницу, где он провел пару дней, а потом отпустили. Теперь он находился в деревне, и Марина была полностью у него на виду. Он ездил в город на перевязки, потом возвращался назад в деревню.

Через неделю Марина с Максимом собирались в отпуск. Потом — свадьба Вики и Сергея. Еще она спасла бабу Глашу, но тьмы в ее сердце стало больше, и девушка это чувствовала. Марина в тот день вспомнила, как она получила дар. Она так и не поняла, почему он достался именно ей.

После излечения старухи, на следующий день, Марина пришла к ней и рассказала о том, что произошло несколько лет назад, когда умерла свекровь.

Баба Глаша сидела на крыльчке, когда девушка пыталась зайти в калитку, но у нее плохо получалось. Она ее дергала, ворон на штакетнике орал во все горло, но калитка так и не открылась.

— Баба Глаша, что это? Почему я не могу зайти? У вас дверь заедает.

Старуха поднялась с лавки и, спустившись с крыльца, подошла к девушке. Лицо ее хмурилось, брови сдвинулись к переносице. Она взялась за калитку рукой, а внизу на земле пошаркала ногой — и дверь открылась.

— Что это было?

— Это защита моя тебя не пускает. Ты много тьмы в себя впустила. Стала почти ведьмой с демонической силой.

Она помотала головой и зацокала языком.

— Ох, девонька, что же ты натворила! Зачем мне помогла? Я уже свое отжила, а тебе еще жить да жить. Теперь ты готова к тому, чтобы тебя свои приняли. Теперь только ждать, что и кто тебя к себе призовет. Будь начеку.

Марина обняла старуху и прижалась к ней всем телом, уткнувшись лицом в грудь. Слезы покатались по щекам.

— Баба Глаша, прости меня. Но я не могла допустить, чтобы ты умерла. Ты единственный человек, который принимает меня как родную внучку. Понимает меня, жалеет, помогает. Я не справлюсь сама. Тем более баба Матрена сказала, что так твои года продлятся, если я дам тебе немного тьмы.

Старуха отстранила девушку от себя и посмотрела в ее заплаканные глаза.

— Матрена сказала?

Марина закивала головой.

— Понятно.

Старуха выглядела чернее тучи.

— Пойдем в дом, девонька. Будем разбираться с твоим даром. Ты же за этим пришла?

— Да. Я все вспомнила.

— Ох, как же поздно это случилось! Ну ничего, мы что-нибудь придумаем.

Старуха вновь закрыла проход на земле, и они с девушкой зашли в дом. Разговор будет долгим.

Когда у Глафиры Герасимовны обнаружили онкологическое заболевание, она в это не поверила. Женщина считала, что это обычный вирус, просила купить ей таблетки и проколоть антибиотики. Максим не спорил с матерью и все делал так, как она говорила. Глафира была уверена, что прошлый недуг она вылечила с помощью колдовства. Ведь не зря у нее имелась сила, которую она приняла. Она демоническая, а значит, жить ей долго, как Глашке.

Сама она пила лечебные травки, не подозревая о том, что диагноз поставлен верно. Упустив самый страшный момент, когда уже ничем нельзя помочь, старуха прожила еще год. Последний месяц для нее был самым страшным. Она это понимала. Но ей нужно было передать свою силу, а вот кому — она не знала. Старшая дочь исчезла много лет назад, и ее уже не было в живых. Да и силу ей она не хотела отдавать. Внутри Гали была тьма, и женщина боялась, что дочь устроит хаос с таким даром. Сыну не передашь, так как сила семи ведьм передается только женскому полу, а детей у Максима еще не было. Так и придется унести ее с собой в могилу. Но отпустит ли ее дар или станет она долго мучиться?

Глафира знала, что умирать ей придется ой как тяжело. Она будет страдать и изнывать от боли, которая начнет съедать ее изнутри. Ведьмы и колдуны всегда тяжело умирают. Но женщина знала, что если кому-нибудь передать свой дар, то она спокойно, без боли уйдет из жизни.

Сын и невестка жили с ней уже два года. Если она передаст дар Марине, то спокойно умрет. Невестка — простой бухгалтер, ну что она в этом понимает? Тем более девушка — не родная кровь. Главное — отдать сережку, в которой таится сила семи ведьм. Дар ее не примет, но зато старуха не будет мучиться. А что будет с девушкой, Глафире все равно. Если не выживет, Максим погрустит и на другой женится.

Ох, как хорошо, что на этом сила остановится! Как хорошо, что в свое время она не передала сережки своей дочери, когда той исполнилось восемнадцать лет! Сейчас бы достались они какому-нибудь проходимцу и потерялись со временем. В этих украшениях просто огромная сила.

Может, у Максима и Марины когда-нибудь родится дочка, и эти серьги Максим отдаст ее внучке. Было бы хорошо, если только дар не поглотит девушку и не убьет ее. Она же не из рода ведьм.

Последний месяц Глафира была сама не своя. Она кричала, звала мать, металась по подушкам. Разум ее туманился, боль съедала изнутри. Она почти никого не узнавала. Ей везде мерещились черти и демоны.

— Мама, как тебе помочь?

Максим проводил много времени возле кровати родного ему человека. Марина помогала протирать тело, менять памперсы, поила свекровь водой.

— Сережки, сережки, — сказала старуха, расширив свои глаза, которые на секунду стали черные.

— Что, что сережки, мама?

Максим не понимал, чего она от него хочет.

— Марина, сережки...

Старуха кричала и металась по кровати, но сын не понимал, чего хочет мать.

В один из дней, когда Марина оставалась с свекровью одна, женщина начала вновь кричать и метаться. Девушка подбежала к ней и села рядом. Женщина схватила ее за руку мертвой хваткой. Лицо ее вспотело, глаза стали черными, отчего Марина испугалась. Она попыталась вырвать руку, но свекровь держала ее крепко.

Глафира свободной рукой взялась за сережку и с силой сдернула ее с уха. Протянув ее девушке, сказала:

— Возьми.

Голос женщины при этом был грубым, не похожим на свой, родной. Марина была настолько перепугана, что взяла сережку и зажала в кулаке. Глафира зло ухмыльнулась, а потом, закрыв глаза, откинулась на подушку, отпустив руку Марины.

Девушка дернулась назад, сжимая в руке украшение. Она испуганно смотрела на свекровь, но та тихо лежала, не издавая ни звука. Ее грудь медленно вздымалась при каждом вдохе.

Марина положила единственную сережку на сервант и выскочила из комнаты. Через несколько дней Глафира Герасимовна умерла. Почему эту историю Марина вспомнила только сейчас, она не знала. Девушка забыла все, что тогда с ней случилось. Но вот почему сила семи ведьм перешла к ней, все еще оставалось загадкой.

— Баба Глаша, как такое может быть, что я все напрочь позабыла и вспомнила только сейчас?

Старуха странно посмотрела на девушку.

— В тебе что-то есть. Потому тьма и приняла тебя. Тут надо подумать.

Марина опустила голову, рассматривая свои руки.

— Вы мне сможете помочь?

Старуха помолчала немного, а потом сказала:

— Приходи завтра, вечером, одна, и принеси книгу. Только никто, слышишь, никто не должен об этом знать. Ни Максим, ни лучшая подруга. И книгу ты должна взять так, чтобы никто этого не видел.

Марина улыбнулась.

— Вы знаете, так смешно, но со мной на чердак повадилась лазать черная кошка, Ночка. Она к нам стала приходить почти год назад, когда я столкнулась с русалкой. Я на чердак — и она со мной. Я книгу читаю, и она смотрит, как будто что-то там понимает.

Старуха вновь нахмурилась.

— Нехорошо это. Знаешь что сделай? Когда соберешься на чердак, собаку отпусти.

— Зачем?

— Пусть побегает. А ты спокойно за книгой отправишься.

— А что я Максиму скажу?

Старуха встала и взяла из шкафчика какой-то мешочек. Отсыпав оттуда немного сухой травы, дала ее девушке.

— Вот. Завари мужу чай. Травка успокаивающая. Он отдохнет, и ты спокойно у меня побудешь.

Девушка расширила глаза в недоумении.

— Не бойся, не отравя это. Просто немного сонливости ему придаст, пока ты у меня будешь.

Марина согласно кивнула и обняла бабу Глашу.

— Спасибо вам за все.

— Да не за что пока. Пойдем, я тебя провожу.

Старуха вывела Марину за калитку и плотно прикрыла ее, начертив заново защиту. Не нравилось ей, что столько тьмы стало в девушке. Надо бы поторопиться.

Максим сидел в беседке, ждал Марину с работы. Она предупредила, что задержится. Он хотел ее встретить, но супруга отказалась. У нее накопилось много работы, которую необходимо закончить.

Максим потерял грудь, на которой была марлевая повязка. Кожа почти зажила. Врач сказала, что через пару дней можно уже снять бинты, а еще через день ему закроют больничный.

Парню не хотелось вспоминать тот день, когда он видел супругу в чудовищном обличье. Они тогда уничтожали существ, но Максима с тех пор мучил кошмар: он видел, как жена превращается в нечто ужасное. Ее глаза стали полностью черными, руки превратились в щупальца, а лицо — в чудовищную маску. Она бросала в него огненный шар, и он просыпался в холодном поту.

Они много и долго разговаривали о ее силе, о матери Максима. Он пытался все принять, пытался не бояться супруги. А она просила помочь ей избавиться от этого дара, ведь здесь была и его вина. Почти год назад именно Максим дал ей эти серьги, которые остались от матери. Именно в них таился дар семи ведьм, которым управляла его мать. Ее называли ведьмой, хотя он никогда ничего плохого за ней не замечал. Да, куры неслись постоянно, и яиц им хватало, корова давала много молока, и мама им торговала. Но разве было в этом что-то особенное?

Максим не помнил, чтобы он когда-нибудь болел. Мать умерла от онкологии и почему-то не смогла себе помочь. Почему? Что произошло? Неужели колдовство оказалось бессильно?

У Максима было много вопросов. Но пока не было ответов. Марина боялась, что он отвернется от нее после того, как узнает правду о ней и его матери, но Максим любил свою жену. Теперь он в ответе за нее и то, что с ней произошло. Не заставь он надеть Марину те серьги, ничего бы не случилось.

Максим помнил тот день. Парень взял серьги, попросил Марину надеть их и сказал, что мама этого хотела бы. Почему он это сказал, Максим и сам не понимал.

Парень вспоминал тот сон, который ему приснился, когда начался весь этот ужас с духами-двойниками. Дом, мать, отец, его сестра, которую он так и не смог разглядеть. Ее образ был расплывчатым, неузнаваемым. В последний раз он ее видел в десять лет. Потом она уехала, и ее объявили умершей. По крайней мере, мать так сказала.

Но было ли это в доме, где они с Мариной сейчас живут? Он помнит этот дом с тех пор, как пошел в третий класс. А где они с родителями жили раньше? Такое чувство, будто кто-то стер у него из памяти первые десять лет жизни и его сестру. Но зачем? Если ее нет в живых и родители умерли, то кому нужно, чтобы он все забыл, кроме жизни в деревне?

Максим решил во всем разобраться, пока он хоть что-то помнит. Имя сестры, их прежнее место жительства, школу, в которой он учился, прежде чем переехать сюда.

Вынув мобильный телефон из кармана, Максим набрал номер друга и коллеги Димы Филиппова. В последние полгода парень в теме, что на самом деле происходит вокруг. После того, что он видел на кладбище, а особенно то, как изменилась при этом его жена, Максиму пришлось рассказать и о том, что он сам узнал совсем недавно.

— Привет, братан. Как дела? Что нового на работе?

— Привет, Макс. Пока все нормально, не считая того, что приходится писать рапорт, от чего умерли жертвы, ну ты сам знаешь какие. Ты как себя чувствуешь? На работу когда планируешь выходить?

— Через пару дней. А пока можешь кое-что для меня пробить?

— Не вопрос. Говори.

— Слушай, мне кажется, что из моей памяти стерлись первые десять лет жизни. Почти не помню, что и как. Это понятно, что каждому человеку свойственно забывать детские годы, когда мозг только начинает формироваться...

— Короче, Макс. Хорош задвигать умные термины и философские рассуждения. Давай кратко.

— Если короче, попробуй пробить, где мы с родителями жили раньше, по какому адресу. Кто был там прописан и где они сейчас. Я ни в чем не уверен, но мне кажется, что с нами жила старшая сестра. Мать всегда говорила, что она умерла. Но я почему-то думаю, что от меня скрыли, что с ней произошло. Если есть ее фото, тоже распечатай.

Филиппов помолчал пару секунд, а потом сказал:

— Ничего себе ты закрутил. Опять что-то намечается? Мне кажется, наши монстры стали чаще показываться на поверхности в мире людей. Ты так не думаешь?

— То, что это уже на постоянной основе, я и без тебя понимаю. Но пока у нас все тихо. Приглядываю за женой. Цель — она. И теперь ты уже знаешь почему.

— Угу, — отозвался Дима. — Всему виной серьги, в которых заточили силу семи ведьм, которыми теперь владеет твоя жена. Бедная Маринка, и за что ей такой подарок?

— Сам переживаю. Надеюсь во всем разобраться. Раз дар семи ведьм переходил по наследству и только по женской линии, я должен узнать все о своей семье, в особенности о сестре. Почти ничего о ней не помню. Да и мало мне лет тогда было, когда я видел ее в последний раз.

Парни поболтали еще минут пять, и Максим отключился. Времени было много, а жены все еще не было.

Глава 3

Марина сидела за рабочим столом и в задумчивости смотрела в окно. Сегодня нужно обязательно сходить к бабе Глаше. Еще и Максиму чай особенный дать. Не хотела она снова его обманывать, они еще совсем недавно откровенно обо всем поговорили. Девушка очень долго скрывала от него свою тайну. Ей тяжело было рассказывать все супругу, тем более речь шла о его матери. Как хорошо, что она все же вспомнила тот день.

Марина после событий той ночи позвонила своей родной тетке и рассказала о случившемся. Тетя Люба, родная сестра ее матери, всегда заботилась о ней, даже когда мамы не стало. Они родились и выросли в деревне в город переехали, только когда вышли замуж. Сельскую жизнь тетка знала очень хорошо, в том числе разные легенды и поверья, которые передавались из поколения в поколение.

Вскоре после эпизода с серьгой, которую свекровь почти силой вручила Марине, Глафира Герасимовна умерла. Девушка сразу позвонила тетке. Она хотела узнать о том, как нужно ее похоронить. Когда умерла мама, похоронами занимались отец и тетя Люба.

— Привет, моя дорогая, — услышала она родной голос, очень сильно похожий на мамин.

— Здравствуй, тетя Люба.

— Ты чего? Случилось что-то?

Повисла секундная пауза, и девушка тихонько заплакала.

— Свекровь умерла.

— Ох, как печально. Ты не плачь, не терзай сердечко. Она болела у вас, и болезнь протекала тяжело. Поэтому сейчас ей на небесах хорошо, она не чувствует больше этой боли.

— Ты права, тетюшка. Она последние дни так кричала, звала кого-то. Говорила, что черти за ней пришли, к себе тянут. Иногда просила ее забрать. Мать свою звала, никого не узнавала. Металась по подушке. Мы прямо не знали, что делать. Никогда не думала, что люди так тяжело умирают.

Марина замолчала, а потом спросила:

— Тетя Люба, что это было? Неужели все, кто болеют, так умирают?

Женщина зацокала языком.

— Ох, девонька. Нехорошо это.

Марина насторожилась.

— Почему?

— В детстве, когда нам было лет по двенадцать, жила у нас в деревне старуха, мы ее Калитуха звали. Так вот...

У них в деревне, на краю леса, стояла маленькая хижина, можно сказать, ветхая избушка, укрытая мхом и паутиной. Ветви сосен склонялись над ее крышей, словно охраняя последние дни жизни обитательницы дома. Там жила древняя старуха, которую жители деревни считали ведьмой. Всю жизнь она скрывалась от людских глаз и обращалась к жителям в самых крайних случаях. А вот они часто к ней бегали за помощью. Все это происходило под покровом ночи, чтобы другие этого не видели и не заподозрили в дружбе с ведьмой.

Прошло много лет, и сила, которой она владела, была почти исчерпана. Она умирала.

Старуха, похожая на сморщенный гриб, лежала на низкой деревянной кровати, прикрывшись тонким покрывалом, похожим на саван. Вокруг нее витал запах травяных настоев, ладана и горького миндаля, пропитавший стены. Ее тело было высохшим. Старуха давно знала, что час ее близится неумолимо, а сердце билось, как испуганная птица.

Близился вечер, когда дверь ее хижины тихонько скрипнула, впуская девушку. Та вошла осторожно, чуть пригнувшись под низким порогом, волосы ее были светлыми, взгляд ясный

и искренний. Ведьма приподняла голову, уставившись неподвижным взглядом, глаза горели странным огнем, исходящим изнутри души.

— Я пришла, бабушка, — прошептала девушка мягко, присаживаясь рядом.

Старуха медленно кивнула, протягивая иссохшую руку. Она давно мечтала передать свою силу кому-нибудь, но из близких родственников у ведьмы никого не было. Последнее время к старухе заживала молодая девушка по имени Злата. Не так часто, но раз в две недели приходила. Старуха знала, что если она не передаст силу, то адский огонь сожжет ее изнутри. Она будет мучиться, умирая. Будет молить о пощаде, а бесы и демоны будут терзать ее душу еще до того, как она умрет.

Старуха попросила Злату, чтобы та не уходила и пожила у нее немного, чтобы помочь по дому и поухаживать за ней — ведь у нее самой совсем не осталось сил. Девушка согласилась. Ей было жалко старушку.

Когда Злата перебралась к ней, старуха впала в беспамятство. Она металась по подушке, звала кого-то. Ее безумные глаза делались чернее тучи, чем очень пугали бедную Злату. Несколько раз девушка собиралась уйти из этого дома, но в этот самый момент ведьма приходила в себя и снова выглядела обычным человеком.

Когда силы старухи подошли к концу и ее тело и душа больше не выносили тех мук, которые ее терзали, она схватила за руку девушку и сильно сжала ладонь. Посмотрев на Злату своими темными глазами, старуха прошептала:

— Возьми это кольцо. Оно будет платой за твои старания.

Девушка, ни о чем не подозревая, приняла в дар колечко. В этот момент она вдруг почувствовала, как тепло пробежало по руке. Кольцо тихо само скользнуло на палец, легло удобно и уютно, обжигая легким покалыванием кожи. Девушка взглянула на украшение: простое серебряное колечко, инкрустированное неярким камешком, мерцающим холодным лунным светом.

Старуха в тот момент как-то странно ухмыльнулась и упала на подушку. Злата видела, как по телу ведьмы пробежала судорога, напряглись жилы на шее, пальцы сжались. Сердце билось все реже, дыхание прерывалось. Старые губы дрогнули в последний раз, веки сомкнулись. Душа покинула тело, оставляя после себя пустоту и облегчение. Сила перешла к новой хозяйке.

— ... это было давно, еще в нашем детстве, — добавила тетя Люба, — и то, что ты мне сейчас рассказала, очень похоже на мою историю. Тогда говорили, что если человек был действительно колдуном или колдуньей, то и умирать будет тяжело. Пока дар свой кому-нибудь не передаст.

— И что это значит? — испуганно спросила Марина.

— Не переживай. Это же просто легенда. Ведьмы, может, и были когда-то, только не в наше время. А свекровь твоя отдала сережку просто так, не передавая никакого колдовства. В безумии она была, умирала, вот и несла всякую чепуху. Тебя испугала сильно. Ну какая она ведьма? Обычная старая женщина, заболевшая онкологией. А эта болезнь никого не щадит.

Марина поболтала еще немного с теткой, обсудила с ней предстоящие похороны свекрови и, пообещав звонить чаще, отключилась. Это было почти три года назад. И вот сейчас девушка вспомнила тот разговор. Странно, почему только сейчас?

Марина смотрела в окно своего кабинета, вспоминая события тех лет, и понимала, что все-таки тетя Люба была права. Или, может, она поняла, в чем дело, да только не хотела пугать свою племянницу. Свекровь действительно умела колдовать и при жизни была ведьмой.

Но почему она это не помнила? Почему забыла о том дне, когда Глафира Герасимовна передала ей украшение? Как будто что-то заблокировало память, пытаясь стереть этот день.

В дверь кабинета постучали, и Марина вздрогнула. В проеме показалась Мария Степановна. Женщина, как всегда, улыбалась.

— Здравствуй, Мариночка. Как дела? Как настроение?

Девушка удивилась ее чрезмерной любезности, но виду не подала.

— Все хорошо. Работать пытаюсь, но мысли о прошлом не дают этого сделать.

Старушка нахмурилась и присела на стул.

— Что-то тревожит?

Марина слегка улыбнулась.

— Да так. Вспомнила свою свекровь. Как она, бедная, умирала от онкологии.

— Ох, ох, — покачала головой Мария Степановна, — эта болезнь никого не щадит. Бедная, бедная Глафира. И за что ей все эти муки? Была бы жива ее старшая дочь, глядишь, и присмотрела за матерью.

Эти слова очень не понравились Марине. Ведь именно она последний год сидела возле кровати свекрови. Не спала ночами, когда та металась в агонии. А библиотекарша вспоминает ее старшую дочь, которая умерла по какой-то неизвестной причине. Она и при жизни то с матерью не жила.

Марина не стала ничего отвечать на это заявление.

— Возможно, — пробормотала девушка.

Молчание слегка затянулась и Марина все же решила спросить:

— Мария Степановна, а вы хорошо знали сестру Максима?

Старушка наклонила слегка голову, сощурила глаза и спросила?

— А почему ты ею интересуешься?

Марина пожала плечами.

— Не знаю. Просто так спросила. Максим о ней почти ничего не рассказывал. Просто знаю, что у него когда-то была старшая сестра — и все. А вот что и как, он никогда не рассказывал.

Женщина посмотрела немигающим взглядом еще пару секунд, а потом сложила руки на столе и задумалась.

Галю она помнила взрослой девушкой, когда семья Максима переехала в деревню. Она жила в доме с родителями, но иногда уезжала в город, отсутствуя по два, а то и по три месяца. Девушка общалась со своей соседкой, с которой познакомилась вроде бы в магазине. Мария Степановна не помнит точно, где именно, но потом часто их видела вместе. Соседку, кажется, звали Тамара.

Галя была высокой, с темными, коротко стриженными волосами, острым носиком и карими глазами. Может, когда-то Галина и носила кудри, но в деревне Мария Степановна запомнила девушку именно такой.

Глафира Герасимовна никогда не рассказывала о своих отношениях со старшей дочерью. Марии Степановне даже казалось, что сына она любит больше, чем дочь. Но это только ее предположение. Однажды до библиотекаря долетел слух, что Гали больше нет. Вроде поговаривали, что она умерла. А больше она о ней ничего не знает.

— Простите, Мариночка, но мы с этой девушкой не были близки. Она жила в нашей деревне не так долго. Тем более часто уезжала на несколько месяцев. Поэтому ничего больше о ней рассказать не могу.

— И на этом спасибо, Мария Степановна, извините, что отняла у вас много времени. — Девушка замолчала, а потом вдруг спросила: — Вы, наверное, за чем-то конкретным ко мне пришли, а я вас тут своими расспросами отвлекла.

Библиотекарша улыбнулась.

— У нас в следующем месяце будет праздник. Ну как праздник — так, баловство. Многие девушки любят его, да и взрослые тоже не прочь на нем побывать.

— И что же это за праздник?

— О, — старушка сверкнула глазами, — это ночь с шестого на седьмое июля. Праздник Ивана Купалы. Считалось, что в этот день вода в озерах и реках обладает целебными

свойствами. Если в ней искупаться, то можно избавиться от многих болезней. Утром встаешь пораньше и умываешься первой росой, таким образом можно сохранить на долгие годы молодость и красоту.

Женщина мечтательно закатила глаза.

Марина завороженно слушала. Она жила здесь не так давно и еще ни разу такого не видела.

— Говорят, — продолжила старушка, понизив голос, — в эту ночь грань между мирами стирается. Нечисть выходит из своих укрытий. Но это, конечно, лишь легенды. Самое интересное — это поиски цветка папоротника. Он цветет раз в году, и тот, кто его найдет, получит магическую силу и укажет путь к богатству.

Последние слова Мария Степановна выкрикнула с неподдельным возбуждением, ее глаза блеснули безумным огнем. Марина вздрогнула, но та быстро взяла себя в руки и улыбнулась.

— А еще мы собираем лечебные травы. Это уже к Глашке, она у нас целительница.

Марина подумала о нечисти. Если легенды правдивы, то это может быть опасно. Но если она хочет дать нечисти отпор, возможно, придется пойти на этот праздник.

— Получается, что ночь на Ивана Купалу будет с пятницы на субботу?

Женщина удовлетворенно кивнула.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — ответила Марина, — очень хочется посмотреть на старые обряды и прыжки через костер. Никогда в этом не участвовала.

Мария Степановна удовлетворенно улыбнулась.

— Вот и хорошо. Потом еще вам расскажу, как подготовиться к этому празднику.

Женщина поднялась со стула и вышла из кабинета, оставив Марину с мыслями о сегодняшнем вечере. Нужно столько всего сделать! Приготовить мужу чай и проследить, чтобы он его выпил, забраться на чердак и взять книгу темных. Боже, как ей все это сделать и остаться незамеченной? Сегодня будет тяжелая ночь. Баба Глаша обещала утихомирить ее силу, но вот получится ли у нее, оставалось под вопросом.

Марина весь вечер хлопотала по дому. Максим чувствовал себя намного лучше. Девушка с нетерпением ждала вечера. Она должна попробовать, у них должно получиться. Марина очень устала от этих всех тайн, от дара, от силы. Ей хотелось нормальной размеренной жизни. В конце концов, ей хочется ребенка. Но пока она с этим не разберется до конца, ничего не будет.

На улице стояла июньская жара. Сегодняшний разговор с библиотекаршей о сестре Максима не открыл ничего нового. Девушка по имени Галя жила в деревне не так уж долго. Она часто уезжала, наверное, поэтому Максим ее плохо помнит. А вот рассказ о празднике Ивана Купалы немного выбил Марину из колеи. Она боялась в этот день столкнуться с чем-то страшным, еще хуже, чем было до этого. Но идти надо, ведь в случае чего только она сможет справиться со всеми. Хотя, если баба Глаша утихомирит силу, вряд ли девушке это удастся.

Покормив супруга, Марина заварила в кружке травку, которая дала баба Глаша.

— Что это такое? — поморщился Максим.

— Это полезное снадобье, баба Глаша дала. Так ты быстрее поправишься.

— Я и так здоров. На работу собираюсь.

Марина уже решила, что ничего не выйдет и муж не станет это пить. Но тот, как послушный ребенок, сделал несколько глотков, поморщился, а потом залпом допил содержимое кружки.

Время приближалось к десяти вечера, когда супруг лег в зале смотреть телевизор. Марина сидела с ним рядом, положив голову на его плечо. Вдруг она встала.

— Ты куда?

— Пойду животных накормлю. Вон собака надрывается, наверное, опять на Ночку лает. И что они с Машкой ее так невзлюбили?

Девушка вошла в кухню и наполнила едой две миски. На улице возле беседки сидела Машка, а неподалеку — Ночка. Первая недовольно косилась на черную кошку, не упуская ее из виду. Джесси лаяла как сумасшедшая.

Марина поставила еду возле собаки, а кошкам поставила миски в беседке. Взглянула еще раз на животных и вошла в дом. Вернувшись в зал, она увидела, что супруг лежит с закрытыми глазами и тихо посапывает. Неужели сработало?

— Максим, — тихо позвала Марина мужа, но тот не ответил, а только повернулся на другой бок.

Травка бабы Глаши сработала, только вот сколько времени будет длиться глубокий сон, девушка спросить забыла.

— Надеюсь, ты проспишь до утра, — пробормотала Марина и пошла в спальню переодеваться.

Для начала нужно было отцепить собаку, как велела баба Глаша, а потом только лезть на чердак. Надев шорты и майку, девушка вышла во двор, где последние солнечные лучи постепенно исчезали, уступая место сумеркам. Вечер подходил к концу, наступала ночь. Нужно поторапливаться, не хочется бежать через всю деревню в темноте, особенно мимо озера.

Во дворе сидели довольные животные. Собака рычала в сторону черной кошки, а та, как ни в чем, ни бывало, демонстративно умывалась, вытянув заднюю лапу. Девушка подошла к Джесси и погладила ее по голове. Собака завиляла хвостом.

— Да простят меня все кошки этой деревни, — тихо сказала Марина и сняла ошейник с Джесси.

Дальше началось светопреставление. Собака, не ожидавшая такой свободы, сразу же бросилась в сторону черной кошки. Ночка сначала зашипела, а потом ломанулась в сторону кустов, в дырку забора, а дальше было слышен только лай Джесси и недовольные крики кошки.

Машка сидела с ошалевшими глазами, не зная, что ей делать: то ли бежать следом за собакой и Ночкой, то ли к Марине, чтобы благодарно тереться об ее ноги. Маша не любила черную кошку. Сколько раз они дрались друг с другом, так что шерсть клочьями летела! Но сейчас неожиданно для Машки Ночку прогнала со двора Джесси.

Марина, не обращая внимания на вопли, доносившиеся где-то вдалеке, и мысленно извиняясь перед черной кошкой, подставила шатавшуюся деревянную лестницу к стене и полезла на чердак.

Открыв маленькую скрипучую дверь, она, пригнувшись, вошла внутрь небольшого темного пространства. На улице сильно стемнело, поэтому пришлось включить фонарик.

Осветив зеркало, накрытое холщовой тряпкой, Марина стянула ее вниз и уставилась в свое отражение. На нее смотрела девушка с черными глазами и бледным лицом. Это была она, только изменившаяся. Темная сторона ее души.

Испугавшись отражения, Марина отшатнулась назад, и свет от телефонного фонарика заиграл бликами на стенах и потолке. Этого не может быть. Неужели она меняется к худшему? Неужели не сможет найти выход?

Нужно срочно бежать к бабе Глаше, искать решение, только нужно забрать книгу темных.

Как всегда, поверхность зеркала пошла рябью, и девушка увидела черный фолиант. Она протянула руку, ощутив холод мягкого стекла, и вынула книгу наружу. Теперь нужно срочно бежать к старухе.

Положив фолиант в небольшой кожаный рюкзак, который висел у нее за спиной, Марина выключила фонарик и спустилась вниз по шатким деревянным ступеням. Когда ее ноги достигли земли, что-то мокрое ткнуло ее в ногу. Девушка чуть не закричала от страха. Посмотрев вниз, увидела Джесси, которая стояла рядом с хозяйкой и радостно виляла хвостом.

— Фух, ты меня напугала. Что, набегалась?

Собака радостно гавкнула.

— Сиди здесь, охраняй дом. Я, как вернусь, тебя прицеплю.

Джесси, высунув язык, быстро дышала. Видимо, устала и явно не собиралась идти за хозяйкой.

Ночь почти опустилась на деревню. Первые звезды начали появляться и осыпать темное небесное покрывало. Яркая луна освещала путь до дома бабы Глаши. Марина завернула со своей улицы на перекресток четырех дорог и вздрогнула, когда за спиной что-то шаркнуло. Как будто кто-то ногой провел по мелким камушкам. Девушка замерла на месте. Ей казалось, будто мир остановился в одно мгновение. Не было слышно ни звука — только она и тишина, оглушающая, давящая на голову, так что становилось тяжело дышать.

Пальцы рук закололо, а на ноге заныл шрам. Девушка поняла, что она здесь не одна. Внутри все загорелось огнем, по венам забурлила кровь. Марина пыталась успокоиться. Ей не нужно поддаваться гневу и злости, иначе тьма вновь завладеет ею, и она может натворить нечто ужасное.

Девушка стояла на дороге, освещенная луной, стараясь не делать лишних движений. Она понимала, что кто-то или что-то рядом, в темноте, смотрит на нее и чего-то выжидает.

Легкий ветерок коснулся затылка, зашевелив волосы на голове, и Марина резко обернулась. Сзади никого не было.

— Выйди, — сказала девушка, — покажись! Или так и будешь прятаться впотьмах?

Ей никто не ответил. Возможно, это просто игра ее воображения? С ней в последнее время столько всего произошло, что в голове полный бардак. Но пальцы на руке просто так не закололо бы, а шрам не заныл.

Девушка еще раз осмотрелась — никого. Надо идти дальше, ее ждет баба Глаша.

Марина прибавила шаг, и через несколько минут перед ней открылось озеро. Его гладь, черная и блестящая, отражала луну и россыпи звезд, а вдоль берега темнели деревья и камыши. Девушка ненадолго замерла, залюбовавшись этим ночным покоем. Марина замерла. Прошло не больше минуты, когда со стороны озера начал подниматься туман. Серо-белая дымка быстро затянула гладь воды, и в тот же миг исчезли абсолютно все звуки. Тишина стала другой — густой, тягучей. Она давила на плечи, проникала в легкие, заставляла пальцы леденеть. Шрам на руке заныл от боли, а пальцы рук закололо.

Что же происходит? Марина оглянулась, но никого не увидела. Что-то явно было не так. До дома бабы Глаши оставалось совсем немного. Надо бежать, а то не миновать беды.

Марина побежала к знакомому дому, когда ее взгляд упал на кладбище за озером. Боковым зрением она заметила на кладбище фигуру, резко остановилась и вгляделась в темноту. Между крестами никого не было. Лишь холодный ветер прошелся по коже, заставляя ее поежиться.

— Померещилось, — прошептала она и рванула к калитке.

Раздался крик птицы, и девушка вздрогнула от испуга. Неподалеку на ветке дерева сидел ворон и смотрел на нее одним глазом. Это был питомец бабы Глаши.

В одном из окон мерцал тусклый свет. Баба Глаша не спала. Марина дернула калитку — та, как всегда, не поддавалась. В этот момент дверь открылась, и на пороге появилась сама хозяйка. Она молча подошла к калитке, отодвинула засов и сказала:

— Входи.

Марина влетела в дом, на крыльцо, а потом зашла на кухню, где на столе стояли мешочки с травами. Воздух был густым от сушеных растений.

— Принесла?

Марина кивнула и сняла со спины рюкзак. Вынув из него книгу темных, она протянула ее бабе Глаше.

Старуха взяла старый фолиант и начала быстро пролистывать его, пока не остановилась на какой-то странице. Минут пять она вдумчиво вчитывалась, хмуря брови и поглаживая подбородок.

— Вот оно, — сказала баба Глаша, посмотрев на Марину, — только тебе это может не понравиться.

Она положила книгу на стол, и девушка увидела то, что имела в виду старуха.

— И как мне с этим справиться?

— Надо подумать.

Старуха ходила из одной комнаты в другую, носила разные вещи, искала что-то в погребе, гремела посудой, а Марина изучала рисунок в книге и то, что там было описано.

На рисунке семь медальонов лежали в чашке с кровью. Судя по описанию, их нужно было положить в глубокую тару и произнести заклинание. Владельцы семи украшений должны были окропить их своей кровью. После этого оставить медальоны на ночь до первых петухов. Но было одно «но». Нечисть, которая охотится за украшениями, будет прорываться, чтобы забрать их. Поэтому нужно будет создать защиту и ни в коем случае не дать им войти.

— Баба Глаша, — сказала тихо Марина, — почему демоны и нечистая сила будут пытаться их забрать? Ведь силу семи ведьм нужно отдать добровольно.

— А это, милая моя, и есть добровольно. Ты снимешь серьги и окропишь их своей кровью. Сила останется в серьгах, и когда совсем утихнет, можно будет вздохнуть спокойно.

— А что будет потом? У меня совсем-совсем ничего не останется? И я смогу жить новой жизнью без дара?

Старуха смотрела на девушку, не зная, что ей ответить.

— Дай бог. Если она притянулась по ошибке, то ты избавишься от нее.

— А что будет с сережками?

Старуха задумалась.

— Мы их спрячем, чтобы никто не нашел. Уничтожить нельзя, а вот убрать подальше от демонических глаз можно.

Марина не была уверена, что у них получится, но попытаться можно.

Старуха поставила глубокую чашку на стол и положила рядом маленький ножик.

— Ты готова? — спросила она девушку.

Марина замешкалась на секунду, а потом, кивнув, вынула серьги из ушей. По всему телу пробежал огонь, пальцы закололо. Она положила украшения в чашку и взяла ножик. Ей не было страшно, она такое уже делала.

Выставив над чашкой руку, Марина полоснула ножом ладонь, из которой закапала кровь. Как только первые капли попали на серьги, раздался оглушительный вой вперемешку с криками и стуком. Девушка вздрогнула и уставилась на дверь.

— Началось, — пробормотала баба Глаша.

Глава 4

Максим крепко спал, но неожиданно проснулся. В комнате было темно и душно. Спросонья он не сразу понял, где находится. Вроде не спальня, но и не чужая комната.

Луна в окне освещала часть помещения. Максим осмотрелся: голова была затуманена, глаза слипались. Он чувствовал легкое головокружение и сонливость. Очень хотелось повернуться и продолжить спать, но что-то не давало ему покоя. Он поднял руку и хотел потереть лицо, но ладонь оказалась темного цвета с разводами. Он поднял вторую руку и присмотрелся. А потом резко сел в постели, рассматривая руки. Они были в крови по самый локоть. Что это такое? Откуда?

Максим повернул голову и посмотрел на пустое место рядом с собой. Марины не было, а на ее стороне растеклось темное большое пятно. Почувствовав, как сердце сжалось от страха, Максим резко вскочил с постели. Голова слегка закружилась. Он включил стоящий рядом торшер и вновь посмотрел на диван. Но на том месте, где он только что видел большое кровавое пятно, ничего не было. Осмотрев свои руки, Максим не заметил на них никаких красных пятен.

Быстро потерев лицо ладонями, чтобы окончательно проснуться, парень взглянул в окно. Луна была полная, небо украшала россыпь звезд.

Он нашел взглядом свой телефон и поднял его с пола. На дисплее было три часа ночи. Осмотревшись, он вспомнил, что вчера они с Мариной разобрали диван и легли смотреть телевизор. В какой момент он уснул, Максим не помнил. Но когда он проснулся, жены рядом не оказалось. Может, она ушла в спальню, просто не захотела его будить?

Выйдя из зала и еще раз мельком взглянув на пустую постель, где ему померещилось кровавое пятно, Максим зашел в спальню. Кровать была заправлена, Марины не было.

Пройдя по дому и не обнаружив супругу, Максим начал волноваться. Куда она подевалась среди ночи? Он набрал номер жены, но ему никто не ответил.

Включив в спальне свет, Максим еще раз осмотрел комнату, вспоминая вчерашний день. Они поужинали, потом выпили чай. Он еще поморщился, отпивая странно пахнущую жидкость, но Марина сказала, что это полезно, так посоветовала баба Глаша.

Стоп... старуха. Неужели Марина пошла к ней? Зачем? Что ей там нужно?

Максим начал быстро собираться. Надев шорты и натянув майку, он выскочил во двор, где к нему подбежала Джесси, поскуливая.

Максим похлопал по карманам шорт и, не обнаружив ключи от машины, снова вернулся в дом.

— Да где же они?

Максим бегал по дому в поисках ключей, когда в дверь вдруг постучали. Это был такой сильный удар, как будто тот, кто это делал, вложил в него всю свою силу. Тук, тук, тук...

Максим замер на месте. Свет был включен только на кухне, но лампочки вдруг замигали и потухли, погрузив парня в полную темноту. Это было большой неожиданностью. Кто в такое время мог прийти к ним домой? Он ведь только что был на улице, но никого не видел. Собака не лаяла, он бы услышал.

Максим медленно, стараясь не шуметь, подошел к входной двери и прислушался. Полная тишина. Ни намек на то, что кто-то был в сенях. Но он точно слышал эти удары, которые раздались как гром среди ясного неба.

Постояв с пару минут и вслушиваясь в посторонние звуки, Максим решил выглянуть наружу. Он протянул руку, чтобы взяться за ручку, когда последовало три громких удара в дверь. Парень отскочил, сердце бешено заколотилось в груди. Вновь наступила тишина, в которой был слышен только стук его колотящегося сердца.

Прошло не больше минуты, когда дверь с грохотом распахнулась, сорвавшись с петель, и отлетела в сторону. В клубах пыли Максим разглядел огромную фигуру, заслонившую весь дверной проем. В темноте трудно было разобрать черты лица, но гость был просто громадным. От него исходил удушливый запах гнилой плоти и крови. Существо тяжело дышало, и от этого звука, казалось, подрагивали стекла.

Максим начал пятиться, пока не врезался в кухонный стол.

Существо переступило порог, и он наконец смог его разглядеть. Это было нечто, отдаленно напоминающее человека: огромное, разлагающееся тело с ранами, из которых сочилась сукровица. Лысая голова, кривое лицо с одним глазом и двумя дырами вместо носа. Огромный рот с желтыми губами, с которых стекала слюна и падала на пол.

Существо рычало и смотрело на Максима. В его единственном глазу читалась смерть.

В кухне невыносимо пахло смрадом, а существо тихо рычало. Неожиданно позади раздался звон разбитого стекла. Максим резко обернулся и увидел за окном кухни девушку с длинными темными волосами, одетую в белое свадебное платье. Ее бледное лицо мерцало в свете луны, она злобно улыбалась и смотрела на Максима. В руках девушка держала венок из белых цветов, к которым была прицеплена фата.

Неожиданно существо, стоящее перед Максимом, с громким рычанием двинулось в сторону парня, выставив вперед руки. Его тело на глазах разлагалось, по коже стекали гнойные выделения, оставляя следы на полу.

Максим резко увернулся от первой твари и рванул к выходу, но в дверях его встретил другой противник. Он был худощав, одет в шляпу и старомодный костюм, и выглядел почти как человек, если бы не красные глаза и тонкая струйка дыма, поднимавшаяся из его ноздрей. Незнакомец усмехнулся, склонив голову набок, как будто разглядывал добычу.

Максим не стал ждать — он развернулся и побежал в зал. Взгляд заметался по комнате в поисках оружия. Хоть чего-нибудь, чем можно защититься! Но ничего подходящего не было.

Сзади раздался злой смех — тот, в шляпе, шел за ним, не спеша. У них было преимущество: он был безоружен.

Что это такое? Откуда эти твари, и где его жена?

Сергей весь вечер работал в огороде, пока Вика с матерью обсуждали предстоящую свадьбу, в очередной раз пересчитывая гостей. День стоял жаркий.

Вечером жених и невеста посидели в беседке и, поужинав, пошли домой. По телевизору сегодня шел интересный сериал, и Сергей с Викторией решили потратить время на просмотр фильма.

Когда время приблизилось к двенадцати ночи, девушка уснула. Сергей досмотрел серию и выключил телевизор. Комнату освещала большая круглая луна. Молодой человек даже засмотрелся на нее, но через пятнадцать минут провалился в глубокий сон.

Вика проснулась внезапно. Она как будто замерзла, хотя на улице стояла жара. Девушка сначала подумала, что Сергей включил кондиционер, но из него не дуло и кнопка горела красным.

Девушка осмотрела темную комнату, но не нашла источник холода. Это было странно. Сергей спал, тихо посапывая. Вика спустила ноги с кровати и поставила их на ледяной пол. Потерев плечи руками, она встала и направилась в сторону кухни. Очень хотелось пить.

Чтобы попасть на кухню, нужно было пройти еще через одну комнату, где стояли диван, два кресла и большой телевизор. Сделав несколько шагов, Вика резко остановилась. Ей показалось, что в зале на кресле кто-то сидит.

Она почувствовала, как холодок пробежал между лопаток, а горло сжало невидимая рука.

Она ощущала на себе чей-то взгляд, который, казалось, прожигал, выворачивал внутренности. Вика медленно, дрожа от страха, повернулась и посмотрела на кресло, но там никого не было.

Девушка вздохнула с облегчением, не увидев ничего необычного. Она уже повернулась, чтобы идти дальше — и застыла от ужаса, не в силах закричать. Она попыталась закричать, но голос пропал — горло свело судорогой. Перед ней стоял человек, у которого не было лица: сплошное кровавое месиво из кожи и обломков костей. Он поднял свою сморщенную руку и приложил тонкий указательный палец с острым ногтем к безгубому рту.

Это зрелище было ужасным. Вика тяжело задышала, чувствуя, как сердце начало быстро колотиться о ребра. Она простояла так с полминуты, глядя на страшное существо без лица, а потом наконец смогла закричать во все горло.

Монстр схватил ее за руку и притянул к себе, обдавая смрадом. Вика пыталась вырваться, и в этот самый момент из спальни выбежал Сергей. Спросонья оценив ситуацию, он подбежал к своей будущей жене. В этот момент он увидел в окне женщину, которая пыталась забраться в дом сквозь москитную сетку.

Незнакомка была похожа на зомби. Бледное лицо, растрепанные волосы, бешеные глаза с темными кругами под ними и перерезанное горло, из которого сочилась черная жидкость, стекая по телу. Голова буквально болталась на позвоночнике. Женщина издавала странные хрипы и давила все сильнее на сетку, пока та не порвалась.

Из оцепенения Сергея вывел очередной крик Вики. Девушка пыталась отбиться от монстра без лица.

Недолго думая, Сергей подскочил к Виктории и ударил монстра, собрав все свои силы. Его рука по запястье вошла в месиво мертвого лица с громким чавканьем. Кровь и тухлые куски плоти начали падать на пол. Это было просто отвратительно. Сергей чувствовал, как его рука попала во что-то мягкое и склизкое. Вырвав ее, он увидел, что кулак был весь измазан какой-то кровавой гнилью.

Вика вырвалась из рук существа и, плача от страха, спряталась за спину Сергея.

— Что это? Что происходит? — кричала девушка, размазывая слезы по щекам.

— Не знаю, — ответил Сергей, — но нужно попытаться выйти из дома.

Со стороны окна послышался глухой стук. Ребята повернули головы на шум и увидели, что женщина-зомби уже влезла в окно. Она смотрела, на них, мерзко улыбаясь. Черная жидкость, не переставая, лилась из перерезанного горла, заляпывая пол в зале.

— Вика, будь рядом.

Существа пошли в атаку на парочку, издавая злобные звуки.

Мужчина без лица напал первым. Сергею с трудом удалось отбиться, сила существа была неописуемо велика. Женщина кинулась на Вику, и та попятилась назад. Девушка нащупала позади себя высокий торшер, схватила его и обрушила на голову женщины-зомби. Та с жутким всхлипом рассыпалась в пыль. Вика сохраняла бдительность, и не напрасно: за ее спиной в спальне послышался шум. Когда девушка повернулась на звук, на нее неслась та же самая женщина.

В этот раз Вика не успела нанести удар, и существо повалило ее на пол, держа одной рукой за горло. Женщина кричала в лицо девушке, а изо рта брызгали кровавые слюни. Мерзкая жидкость из шеи стекала на грудь Вики. Девушка пыталась отбиться, но ей это не удавалось. Существо крепко держало ее за шею, мешая дышать. Вика хрипела, пытаясь сбросить с себя эту тварь, но пальцы монстра сжимались все крепче.

Сергей в этот момент пытался справиться с мужиком без лица. Увидев, что Вику прижали к полу и душат, он ударил безликого изо всех сил и повернулся, чтобы помочь девушке. Но его сзади обхватили в крепкие руки, не давая даже дернуться.

Сергей смотрел в глаза Вики, которая хватала ртом воздух. Из глаз девушки текли слезы, а он ничего не мог сделать.

Где-то за окном раздался крик петуха — и в ту же секунду рассветные лучи ворвались в комнату. Будто по мановению волшебной палочки мужчина без лица и окровавленная женщина вспыхнули как спичка и превратились в черный пепел. Как будто их здесь и не было. Сергей подскочил к Вике и обнял ее, прижав к себе.

— Что это было? — прошептала Вика, глядя на кучку пепла.

Сергей покачал головой.

— Понятия не имею. Но, боюсь, это только начало.

Димка закончил работу и вышел из кабинета. Спустившись вниз, он услышал, как дежурный кому-то что-то объяснял по телефону. Пятница закончилась, впереди выходные, он обещал съездить к родителям. Завтра утром выспится — и с ночевкой в пригород. Возможно, получится с батей сходить на рыбалку. Он давно ему обещал, только вот работа никак не отпускает.

Его родители несколько лет назад переехали из квартиры в пригород, где купили себе небольшой домик. После смерти брата прошло много лет, они одни, Дима из-за работы навещал их редко, только созванивались иногда. В основном мать звонила. Отец обижался, поэтому принципиально ждал, когда единственный сын сам приедет. А еще они очень ждали, когда он, наконец, женится и порадует их внуками. Только вот Филиппов из-за свалившихся на него новых проблем никак не мог даже познакомиться с кем-нибудь для долгих отношений.

Сначала он узнал о потустороннем мире. Потом его преследовали мертвые невесты, а в последнее время он понял, что начинает видеть моменты чьей-то будущей смерти. Он открыл это в себе, когда у него перед глазами начинала мерцать картинка предстоящей смерти. Он сначала пугался, думал, что это на фоне стресса или очередного просмотренного фильма, но все оказалось не так.

Случалось это редко, но попадало точно в цель. Точного описания он не мог видеть. Картинка перед глазами шла рябью, охватывая некоторые моменты происходящего. Но до этого начиналась острая боль в районе виска, а потом он видел события, которые произойдут в скором времени.

Как контролировать боль, Дима еще не знал. Но то, что он стал видеть будущее преступление, оставалось стопроцентным фактом. Пока что Филиппов об этом никому не говорил. Возможно, это и есть последствия, которые остались после изгнания мертвых невест. Девушки исчезли, а последствия остались. Не зря баба Глаша называет его возвращенцем — ведь он вернулся с того света.

Дима зашел в супермаркет, набрав продуктов и гостинцев родителям, и направился домой. Припарковав свой внедорожник напротив подъезда, Филиппов поднялся на свой этаж и вставил ключ в дверь. Когда она открылась, на площадку вышла соседка. Как и всегда, у нее во рту торчала дымящаяся папироса. Запах табака разлетелся по площадке.

— Привет, Дмитрий. Что-то ты сегодня ранехонько!

На старухе с накрашенным до неприличия лицом был старый потертый халат, на голове торпорщились бигуди, ноги были обуты в тапочки с помпонами.

— Здравствуйте. Да, сегодня раньше закончил работу.

— Пожаловаться хочу на нашего соседа. Опять буянит. Сегодня днем ко мне заходил, денег занимал, я не дала. И так должен, алкаш этакий. Ты бы поговорил с ним, припугнул, что ли? Житья нам не дает. Сегодня даже с кулаками кинулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.